

유 도 화

잔재

ОСТАТОК

— Ю Д О Х В А —

До Ю Остаток

<https://litres.ru/74270912>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ли Сону не видит лиц. С восьми лет, после страшного шаманского ритуала, в котором погибла его бабушка-мудан, мир людей для него — размытые пятна, контуры, тени. Он стал судмедэкспертом. В морге округа Мапхо-гу его недостаток стал преимуществом: мёртвым всё равно, видят их или нет. Сону научился узнавать людей по деталям — родинкам, шрамам, походке. Он не помнит лиц, но помнит всё остальное.

За несколько дней его жизнь превращается в кошмар. Его отражение в зеркале живёт собственной жизнью. Камеры наблюдения фиксируют, как он делает то, чего не помнит: стоит ночью у чужих кроватей, водит пальцем по горлу спящих, улыбается в объектив. Детектив Кан, его единственный друг, начинает подозревать, что Сону опасен. Стажёр Ким, покупающий четыре стаканчика кофе каждое утро, видит то, чего не видят другие.

«Остаток» — хоррор о том, что остаётся, когда человек уходит. О памяти, которая сильнее смерти. О голосе внутри, который не умолкает. О зеркале, которое отражает тьму — и не разбивается.

До Хва Ю

Остаток

Пролог

Сеул, Южная Корея
Октябрь 2001 года

Когда начался дождь, бабушка уже час как сидела лицом к восточной стене и не отвечала на вопросы. Сону было восемь, и он знал: в такие дни лучше не дышать громко. Бабушка готовилась. Воздух в их крошечной квартире в районе Ынпхён-гу пах мятой и жжёной бумагой, а на кухонном столе, придавленный банкой с кимчи, лежал лист ханчи — исписанный, исчерканный, с оттиском красной печати.

Мать ушла на ночную смену в круглосуточный магазин. Сону слышал, как она сказала соседке: «Опять будет свой кут проводить. Сына спрятать негде». Но спрятать было негде. Квартира была однокомнатная, и единственная дверь вела в туалет, где пахло плесенью и где Сону запрещалось сидеть дольше трёх минут.

Бабушка поднялась с пола без помощи рук — так, как не поднимаются старухи с больными коленями. На ней был белый ханбок, который она доставала только дважды в год, а поверх — синий чогори с вышитыми журавлями. Журавли

были рваные, нитки торчали. Сону думал, что журавли умирают.

— Иди сюда, — сказала она.

Голос у неё был не её. Он шёл не из горла, а откуда-то из груди, плоский, без интонации, как если бы говорил чрево-вещатель в передаче, которую Сону однажды видел в доме друга. Он подошёл. Бабушка взяла его за плечи, и он почувствовал, что пальцы у неё ледяные. Не холодные, а именно ледяные — как пакет с замороженным минтаем из морозилки.

— Сегодня ты будешь сидеть и смотреть. Ты не будешь закрывать глаза. Ты не будешь плакать. Ты не будешь мочиться. Если захочешь в туалет — забудь об этом. Если захочешь заплакать — проглоти слёзы. Если закроешь глаза — оно войдёт в тебя, а не в меня.

Сону не понял, кто такое «оно», но по тону бабушки понял: это то, чего боится даже она. А бабушка не боялась ничего. Ходила в дом к покойникам — мыла их. Относила еду на перекрёсток, выставляла рис в трёх мисках и трижды хлопала. Однажды на рынке схватила за руку женщину, которая хотела угостить Сону сладким рисовым пирожком, и сказала: «Твой сын не голоден. Твой сын мёртв уже три дня». Женщина заплакала и убежала, а бабушка увела его домой и всю дорогу молчала.

Теперь она расставляла свечи.

Их было двенадцать. Они образовали круг на полу, и Со-

ну посадили в центр. Бабушка зажгла их не спичкой и не зажигалкой — она просто провела пальцем над каждым фитилём, и тот загорался сам. Сону знал, что так не бывает. Но в этот момент он думал только о том, что его нога затекла и он хочет пить.

Бабушка начала петь.

Это был не тот напев, который он слышал от неё раньше, когда она раскладывала на полу рис и сушёную рыбу для предков. Этот шёл горлом — низкий, булькающий, будто она захлёбывалась и говорила одновременно. Слова были корейские, но древние — Сону разбирал только отдельные слоги: чон — «дух», саль — «плоть», мун — «дверь». Она раскачивалась взад-вперёд, и тени от свечей метались по стенам, как пойманные птицы.

Свечи мигнули все разом.

Не по очереди — одновременно, будто кто-то дунул на них изнутри пламени. Бабушка остановилась. Руки её были подняты, с кончиков пальцев стекали капли — вода, пот, что-то ещё. Она обернулась к нему, и Сону увидел, что зрачки у неё исчезли. Вместо них — молочно-белая муть, как удохлой рыбы, которую выбросило на берег Хангана.

— Оно здесь, — сказала бабушка своим голосом. Своим. Обычным. — Сону-я, не шевелись.

И тогда он услышал.

Что-то дышало в углу комнаты, где стоял телевизор. Телевизор был выключен, но на экране дрожало отражение све-

чей — двенадцать точек, которые складывались не в круг, а в неправильный овал. И в этом овале двигалось что-то, чего в комнате не было. Тёмное. Высокое. С головой, наклонённой влево.

Сону зажмурился.

Бабушка закричала. Не на него — на то, что стояло в углу. Она выкрикивала слова, которые Сону никогда не слышал, и размахивала ножом — тем самым, которым резала свинину на суп, но теперь лезвие светилось, как уголёк. Она полоснула воздух перед собой, и на стене появилась трещина. Не на обоях — в самом воздухе, как будто мир был стеклянным, и бабушка ударила по нему.

Запахло горелым мясом.

То, что стояло в углу, не двинулось. Оно только наклонило голову ещё сильнее — так сильно, что угол наклона был неправильным, невозможным. Под таким углом ломается шея. Под таким углом голова не держится на плечах.

Бабушка вонзила нож себе в ладонь.

Кровь была чёрной. Она брызнула на пол, на край его рубашки, на одну из свечей — та зашипела и погасла. Бабушка сжала кулак, выжимая кровь, и ударила ладонью по полу. Оттиск остался на линолеуме — алая, почти светящаяся печать.

— Закрываю! — крикнула она по-корейски. — Именем Сансина закрываю эту дверь!

Что-то зашипело. Не в углу — у Сону в голове. Он схва-

тился за уши, но звук шёл изнутри. Шипение перешло в слова. Одно слово, повторяемое снова и снова на языке, которого он не знал. Но он понимал его. Понимал каждое слово.

«Ты мой. Ты всегда был мой. Ты — дверь, которую она не заперла».

Бабушка повернулась к нему. Глаза её снова были чёрными — нормальными, человеческими, но из уголка левого глаза текла кровь, густая, как суп из красной фасоли.

— Прости, — сказала она.

А потом упала лицом вперёд. Прямо в круг свечей. Волосы вспыхнули с тихим, деловитым треском. Сону закричал. Звук вырвался из него, как рвота, — громкий, неконтролируемый, детский. Он кричал и кричал, глядя на горящие волосы бабушки, и чувствовал, как что-то холодное проводит пальцем по его затылку.

«Ты дверь».

Соседи выломали дверь через семь минут. К тому времени Сону перестал кричать. Он сидел в круге свечей — бабушка лежала ничком, огонь на её голове уже потух, оставив чёрную, спекшуюся корку. Сону смотрел на людей, ворвавшихся в комнату, и не понимал, кто они. Не потому, что не знал их. Он знал. Он видел их сто раз — тётю с третьего этажа, дядю Кима, который всегда давал ему конфеты.

Но когда он смотрел на них теперь, он не видел лиц.

Вместо лиц были размытые пятна. Контуры носов. Провалы глаз. Рты, которые открывались и закрывались, произ-

нося его имя, но имени не было. Ничего не было.

Бабушка умерла в машине скорой помощи. В свидетельстве написали: insult. Но Сону знал: она умерла не от инсульта. Она умерла, потому что закрыла дверь не до конца.

На похоронах, стоя перед гробом, он смотрел на её лицо — единственное лицо, которое он всё ещё видел. Оно было чётким. Ярким. Каждая морщина, каждая складка.

А потом он моргнул — и лицо бабушки изменилось. Губы растянулись в улыбку, которая не могла быть на мёртвом лице. Голова наклонилась влево.

«Ты дверь. Я подожду».

Сону закрыл глаза. Он стоял так очень долго, пока тётя не дёрнула его за рукав.

Когда он открыл глаза, лицо бабушки снова было мёртвым. Обычным. Неподвижным.

Но Сону больше не верил своим глазам.

Глава 1. Вода

Сеул, округ Манхо-гу

Наши дни. Октябрь. 03:47

Ли Сону не любил ночные смены, но выбирал их сознательно. Ночью в морг не заходили родственники. Не задавали вопросов. Не нужно было смотреть в их размытые пятна вместо лиц и гадать по голосу, плачут они или злятся. Ночью

здесь были только мёртвые. А мёртвым всё равно, видишь ты их лица или нет.

Он работал один. Стажёр Ким отпросился — у его дочери была температура. Сону отпустил без возражений. Присутствие стажёра утомляло: тот слишком старался понравиться, слишком громко дышал, слишком часто спрашивал: «Сонбэ, вы правда не видите моего лица? Даже сейчас? Вот прямо сейчас не видите?» Сону отвечал ровно: «Я вижу твои родинки. У тебя их четыре на левой щеке. Они складываются в ромб. Этого достаточно». Стажёр замолкал на полчаса, а потом начинал заново.

Сейчас стажёра не было. Были только люминесцентные лампы, гудящие с частотой, от которой зудели коренные зубы, и тело на секционном столе.

Девушка. Доставлена два часа назад из реки Ханган. Нашёл патрульный катер в районе моста Мапхо. Течение прибило к опоре. Личность не установлена. Одежда — джинсы, белая блузка, одна туфля. Вторая, вероятно, на дне. Возраст на вид — около двадцати пяти.

Сону застегнул халат, надел перчатки и подошёл к телу. Он всегда начинал с внешнего осмотра — привычка, въевшаяся ещё в ординатуре. Не доверять документам. Не доверять чужим заключениям. Только своим пальцам и своим глазам, даже если глаза не различают черт.

Кожа девушки была белой — неестественно белой, как у манекена в витрине универмага «Лотте». На запястьях —

следы. Не верёвок. Не наручников. Пальцев. Кто-то держал её за руки. Очень сильно. До синяков, которые уже начали желтеть по краям — значит, от трёх до пяти дней назад. Сону поднёс руку девушки ближе к свету и заметил то, что заставило его задержать дыхание.

Синяки были только с внешней стороны запястий. С внутренней — ничего. Это означало, что её держали не человеческие руки. Человеческая ладонь оставляет след и на тыльной, и на внутренней стороне — большой палец заходит внутрь запястья. Здесь же — только пятна снаружи, как будто её сжимали пальцами, которые гнулись только в одну сторону.

Сону отложил наблюдение в мысленную папку и перешёл к лицу.

Черты были корейские. Молодые. Кожа гладкая, без морщин. Губы слегка приоткрыты, как будто она собиралась что-то сказать и передумала. Глаза закрыты. Ресницы слиплись от речной воды. На левой скуле — маленькая родинка. Сону отметил её автоматически: родинки и шрамы были его единственной системой распознавания, единственным способом отличать людей друг от друга. Он знал: если он увидит эту девушку снова через двадцать лет, он узнает её по этой родинке. Только по ней.

Он взял скальпель.

И остановился.

Что-то было не так. Он не понял сразу, что именно. Ка-

кое-то изменение в периферийном зрении. Он повернул голову, но в комнате никого не было. Дверь закрыта. Окно в процедурную зашторено. Лампы всё так же гудели.

Сону перевёл взгляд на лицо девушки — и замер.

Родинка была на правой скуле.

Он убрал руки от стола и сделал шаг назад. Этого не могло быть. Он видел её на левой. Он специально её отметил, запомнил, зафиксировал. Левая скула. Теперь родинка была на правой.

Сону снял перчатки. Медленно. Пальцы не дрожали — он давно отучил их дрожать, ещё в первую неделю работы, когда понял, что стажёры и санитары замечают дрожь и делают выводы. Он положил перчатки на край стола, выдохнул и снова посмотрел на девушку.

Родинка была на левой скуле.

Она вернулась.

Сону сжал зубы. Не спал двое суток — вот и всё объяснение. Позавчера двойное вскрытие: пожилой мужчина с инфарктом, молодая женщина с передозировкой. Вчера — документация, встреча с детективом Каном, опознание. Сегодня — эта утопленница. Двое суток без нормального сна. Глаза устали. Мозг дорисовывает то, чего нет. Обычное дело.

Он заставил себя снова надеть перчатки и взял скальпель.

И тут девушка открыла глаза.

Скальпель выпал. Зазвенел по кафельному полу, и этот звон показался Сону самым громким звуком в его жизни.

Девушка смотрела на него. Глаза были мутными, речными, но смотрели. Зрачки — чёрные точки в серой радужке — были направлены прямо на него. Губы шевельнулись.

— Привет, дверь.

Голос шёл не из горла. Сону знал, как звучит голос из горла — он препарировал гортани, он знал их устройство. Этот шёл откуда-то глубже. Из грудной клетки. Из живота. Как будто воздух проходил через лёгкие, полные воды.

Он не закричал. Кричать было бесполезно — он знал это с восьми лет. Вместо этого он медленно наклонился, поднял скальпель и посмотрел на девушку тем взглядом, которым смотрел на всё, что его пугало: прямым, холодным, оценивающим.

— Ты мертва, — сказал он.

— Нет, — ответила девушка. — Ты мертвее меня. Ты мёртв уже двадцать два года. Просто ещё не лёг.

Губы растянулись в улыбке. Голова слегка дёрнулась — влево. Под углом, который Сону помнил. Под тем самым углом.

Он отступил к двери, не сводя глаз с тела. Нашупал ручку. Та не поддалась. Он нажал сильнее. Заперто. Но дверь не запиралась изнутри — в процедурной не было замка. Санитарный пропускной пункт, двойные двери, никаких запоров.

Дверь не открывалась, потому что что-то держало её с другой стороны. Или потому что пространство за дверью перестало существовать.

— Ты хочешь знать, как я умерла? — спросила девушка. Она села. Тело двигалось неловко, рывками, как марионетка, которую дёргает неумелый кукловод. Мышцы, уже начавшие деревенеть, сопротивлялись. Сону слышал хруст сухожилий. — Я не тонула, дверь. Я даже не была в воде, когда остановилось сердце. Я умерла от страха. Знаешь, как это выглядит изнутри? Как будто кто-то кладёт ладонь тебе на мозг и сжимает. Медленно. Очень медленно. Пока ты не забудешь, как дышать.

Сону перестал дёргать ручку. Он повернулся к девушке и посмотрел на неё. Прозопагнозия не работала на мёртвых. Он всегда мог видеть лица тел на секционном столе — возможно, потому, что они не были людьми в полном смысле. Они были объектами. Объекты имели формы.

Но сейчас он видел не лицо.

Он видел маску.

Маска улыбалась.

— Ты не существуешь, — сказал Сону. Голос прозвучал ровно, и он был благодарен себе за это. — Ты — галлюцинация. Недосып. Стресс.

— Конечно, — согласилась девушка и спустила ноги со стола. Босые ступни коснулись пола с влажным шлепком. — Хочешь проверить? Разбуди меня.

Сону посмотрел на скальпель в своей руке. Лезвие отражало свет ламп — яркую белую полосу, которая дрожала, потому что дрожала рука. Теперь он это заметил. Рука дро-

жала. Он сжал её сильнее и перевёл взгляд на девушку. Она стояла перед ним в двух шагах. С её волос капала вода. Речная вода, мутная, с запахом тины и бензина. Капли падали на кафельный пол и растекались.

Сону вскинул скальпель.

— Не подходи.

— Или что? — спросила девушка с искренним любопытством. — Убьёшь меня? — она рассмеялась, и смех этот тоже шёл из живота. — Я уже мертва. Ты не можешь убить мёртвое. Ты можешь только присоединиться.

Она сделала шаг. Ещё один. Она была уже в полуметре. Запах реки стал невыносимым — гниль, рыба, что-то сладкое, как разлагающиеся цветы. Сону чувствовал, как желудок сжимается, горло перехватывает, но он не отступал. Отступать было нельзя. Он знал это с восьми лет. Не закрывай глаза. Не отступай. Не дыши громко.

Девушка подняла руку. Мокрые пальцы коснулись его щеки. Они были ледяными.

— Ты не галлюцинация, — сказал Сону.

— Нет.

— Ты — то, что убило мою бабушку.

Девушка склонила голову набок. Под тем самым углом. Шея хрустнула.

— Я ничего не убиваю, дверь. Я только вхожу. Твоя бабушка убила себя сама. Она думала, что сможет закрыть тебя. Но тебя нельзя закрыть. Тебя можно только занять.

Она провела пальцем по его скуле. Кожа онемела.

— Я ждал двадцать два года. Внутри твоей слепоты. Ты не видел лиц — и я заполнял пустоту. По чуть-чуть. Каждый день. Каждую ночь. Ты думал, это твои сны? Твои мысли? — она улыбнулась шире. — Это был я. И теперь я готов.

Сону ударил скальпелем.

Лезвие вошло в грудь девушки — туда, где должно было быть сердце. Но сердца не было. Он знал это, потому что не почувствовал сопротивления. Ни кости, ни плоти. Только пустоту, холодную и влажную. Скальпель застрял в пустоте, и он не мог его вытащить. Девушка посмотрела вниз, на рукоять, торчащую из её груди, и снова рассмеялась.

— Хорошая попытка.

Она схватила его за запястья. Те самые пальцы, которые гнулись только в одну сторону. Теперь он чувствовал их — не просто холод, а жжение, как от сухого льда. Синяки на её запястьях светились — слабым, желтоватым светом, как гнилушки в лесу.

А потом всё исчезло.

Сону моргнул — и обнаружил, что стоит у секционного стола. Скальпель лежит на кафеле у его ног. Девушка неподвижна на столе. Глаза закрыты. Родинка на левой скуле. Или на правой? Он не помнил. Он уже не помнил, на какой она была с самого начала.

Дверь открылась. Вошёл стажёр Ким с двумя стаканчиками кофе из автомата.

— Сонбэ, вы всю ночь здесь? Я подумал, вам нужно взбодриться. Взял «американо», как вы любите. Двойной шот.

Он поставил кофе на край стола и посмотрел на Сону. Потом на тело. Потом снова на Сону.

— Сонбэ? С вами всё в порядке? Вы бледный.

Сону не ответил. Он смотрел на лицо девушки. Родинка была на левой скуле. Теперь он был уверен.

— Ким, — сказал он, не узнавая своего голоса. — Посмотри на её правую скулу.

— Что?

— Посмотри.

Стажёр наклонился над телом, прищурился.

— Ничего нет. Чистая кожа. А что?

— Ничего.

Сону взял скальпель с пола и положил его в лоток для инструментов. Пальцы не дрожали, но он чувствовал, что внутри всё заledenело — тем самым холодом из детства. Из квартиры в Ынпхён-гу. Из круга свечей.

Он приступил к вскрытию.

Лёгкие были чистыми. Ни грамма воды. Эта девушка не тонула. Она умерла от остановки сердца, вызванной неустановленной причиной. Или установленной. Или той самой, о которой нельзя писать в заключении.

Сону заполнил протокол до шести утра. В графе «предположительная причина смерти» написал: «Остановка сердца. Этиология неизвестна». А потом дописал от руки, мел-

ко, почти неразборчиво: «Пациентка утверждает, что умерла от страха. Вскрытие подтверждает отсутствие воды в лёгких. Рекомендации отсутствуют».

Он знал, что детектив Кан будет в ярости. Он знал, что эту строчку придётся вычеркнуть. Но он оставил её. Потому что нужно было где-то оставить правду.

В семь утра он вышел из морга через служебный вход. Дождь кончился. Над Сеулом вставало солнце — бледное, размытое смогом, но живое. Сону поднял воротник куртки и пошёл к метро. Он не оглядывался.

Но проходя мимо тёмного стекла станции Ису, он увидел отражение. Своё лицо — единственное лицо, которое он не мог узнать, потому что никогда его не видел по-настоящему. И рядом с ним, чуть позади, стояла фигура. Высокая. Тёмная. С головой, наклонённой влево под углом в восемьдесят семь градусов.

Сону не остановился. Он прошёл мимо, считая шаги. На сорок седьмом шаге он всё-таки обернулся.

В отражении никого не было. Только он сам. И моргающий свет люминесцентных ламп. И два стаканчика кофе, которые он забыл на секционном столе.

К тому времени, как он вернулся в морг, стаканчики были пусты.

На следующее утро детектив Кан Минджун из отдела по расследованию убийств округа Манхо-гу получил заклю-

чение о смерти неизвестной девушки, обнаруженной в реке Ханган. В графе «особые отметки» было написано: «Родинка на левой скуле. При повторном осмотре — на правой. При третьем осмотре отсутствует».

Детектив Кан позвонил в морг. Трубку взял стажёр Ким.

— Дай мне Ли Сону.

— Сонбэ ушёл домой. Сказал, что плохо себя чувствует.

— Передай ему, что я перезвоню. И пусть перестанет писать в протоколах свою художественную прозу.

— Хорошо, детектив.

Стажёр Ким повесил трубку и посмотрел на своё отражение в хромированной дверце шкафа с инструментами. Ему показалось, что его лицо на мгновение изменилось. Он моргнул — всё было в порядке. Он пожал плечами и пошёл за новой порцией кофе.

Глава 2. Отражение

Сеул, район Манхо-гу

Квартира Ли Сону. 08:42

Квартира располагалась на седьмом этаже панельной многоэтажки, построенной в конце восьмидесятых. Дом был из тех, что пережили Олимпиаду, кризис, смену тысячелетий и бесчисленные косметические ремонты, так и не изменив своей бетонной сути. Лифт здесь скрипел, в подъезде пахло кимчи и сыростью, а на лестничной клетке перед дверью

Сону лежал коврик с выцветшей надписью «Welcome», который он не менял семь лет.

Он вошёл, не разуваясь. Это было нарушением всех правил корейского быта, которые мать вбивала в него с детства, но сейчас ему было всё равно. Он прошёл по коридору в ванную, включил свет и остановился перед зеркалом.

Из зеркала на него смотрел мужчина тридцати лет. Уставший. С тёмными кругами под глазами. С трёхдневной щетиной, которую он забыл сбрить перед сменой. Черты лица были правильными, даже приятными — так говорила мать. Сону не мог этого оценить. Он видел своё лицо каждое утро и каждый вечер, но всякий раз это было чужое лицо, которое он узнавал только по контексту: вот зеркало, вот ванная, вот я. Значит, это я.

Он умылся ледяной водой. Растёр кожу до покраснения. Убедился, что отражение повторяет его движения. Поднес ладонь к стеклу — отражение поднесло ладонь. Никакой задержки. Никакого наклона головы. Никакой улыбки.

Сону выдохнул.

Потом он прошёл на кухню, достал из холодильника банку пива «Хайт» и открыл её. Пиво было холодным. Это было хорошо. Он сделал глоток, и алкоголь обжёг горло, возвращая его в реальность, в мир, где мёртвые не садятся на секционных столах, а синяки на запястьях утопленниц не светятся.

Он достал телефон и набрал номер. Гудок. Второй. Тре-

тий.

— Алло? — голос детектива Кана звучал раздражённо и сонно. — Сону, ты в курсе, что я только лёг?

— Извини, хён. — Сону редко называл его «хён», только когда действительно нуждался в разговоре. — Ты получил моё заключение?

— Получил, — Кан помолчал. Сону слышал, как он закуривает — характерный щелчок зажигалки, вдох. — Ты там написал какую-то чушь про родинку. И про страх. Что это было?

— Ничего. Устал. Перепишу.

— Сону.

— Что?

— Ты никогда не переписываешь заключения. Ты у нас главный перфекционист морга. Что случилось?

Сону сделал ещё глоток. Пиво уже не казалось холодным. Оно казалось безвкусным.

— Ничего. Правда. Паранойя.

Кан хмыкнул.

— Ладно. Держи меня в курсе. И поспи. Выглядишь дерьмово.

— Ты меня не видишь.

— Зато слышу. У тебя голос как у покойника.

Сону нажал отбой и положил телефон на стол. Кан был прав. Ему нужно поспать. Он допил пиво, бросил банку в мусорное ведро — та звякнула о пустые жестянки — и пошёл

в спальню.

Шторы были задёрнуты. В комнате царил полумрак, который он любил. Единственный источник света — красные цифры электронных часов на тумбочке: 08:51. Сону лёг на кровать, не раздеваясь, и закрыл глаза.

Он открыл глаза в квартире своего детства.

Октябрь 2001 года. Запах мяты и жжёной бумаги. Свечи на полу. Двенадцать штук. Одиннадцать горят, одна погасла — та, на которую попала чёрная кровь. Бабушка лежит ничком в круге, волосы ещё дымятся. И рядом с ним, совсем близко, стоит фигура. Высокая. Тёмная. С головой, наклонённой влево.

— Ты не спишь, — говорит фигура. Голос звучит внутри головы. — Это не сон. Ты знаешь это. Ты всегда знал.

Сону пытается ответить, но рот не открывается. Тело не слушается. Он может только смотреть.

Фигура наклоняется ниже. Теперь он видит её лицо. Вернее, место, где должно быть лицо. Чернильный провал, в котором что-то движется. Медленно. Как черви в земле.

— Я не закончил тогда, — говорит оно. — Твоя бабка помешала. Сильная была женщина. Отдала жизнь, чтобы оттолкнуть меня на двадцать два года. Но она не могла оттолкнуть меня навсегда. Потому что ты — дверь. Дверь нельзя запереть. Дверь можно только открыть или закрыть. И ты открыт. Ты был открыт с самого начала.

— Я не дверь, — хочет сказать Сону, но губы не двигаются. Вместо этого он чувствует, как что-то холодное заползает в его грудную клетку. Не через рот. Не через нос. Через поры кожи. Медленно, как вода просачивается в подвал сквозь трещины в бетоне.

— Ты — дверь, — повторяет оно почти ласково. — Ты — щель. Ты — трещина в мире. Через тебя я войду. Через тебя я останусь. Через тебя я наконец-то выйду из этой реки.

— Какой реки?

Но оно не отвечает. Вместо этого мир вокруг Сону начинает меняться. Стены квартиры растворяются, как сахар в горячей воде. Вместо них — тьма. Не пустая, а плотная, влажная, живая тьма. Пахнет илом и разлагающимися цветами. Где-то далеко — плеск воды. И голоса. Много голосов. Все шепчут одно и то же.

Ты дверь. Ты дверь. Ты дверь.

Сону закричал.

И проснулся.

За окном был день. Часы показывали 14:17. Он проспал больше пяти часов. Одежда промокла от пота. Простыня была влажной насквозь. Сердце колотилось так, что он чувствовал пульс в висках. И в правой руке что-то было.

Он разжал ладонь.

На ней лежала женская туфля. Мокрая. С налипшими речными водорослями. Та самая, которой не хватало на теле утопленницы.

Сону смотрел на туфлю, и его разум, привыкший к классификациям и систематизации, пытался найти объяснение. Он мог принести её из морга. Мог взять в полусне. Мог... Нет. Он не прикасался к вещам погибшей. Они были упакованы в отдельный пакет, опечатаны и отправлены в хранилище ещё до того, как тело попало на его стол. Он не мог взять эту туфлю. Она не могла оказаться в его руке.

Но она была здесь.

Он положил её на тумбочку — аккуратно, словно боялся разбудить. Встал. Прошёл в ванную. Открыл кран и долго стоял, глядя, как вода убегает в сливное отверстие, закручиваясь воронкой. Ему казалось, что воронка закручивается не в ту сторону. Он не был уверен, в какую сторону она должна закручиваться, но эта — точно не в ту.

Он выключил воду, вытер лицо и поднял глаза на зеркало. В зеркале не было его отражения.

Сону замер. Он видел ванную за своей спиной. Видел кафельную стену. Видел край полотенца, свисающий с крючка. Но его самого в зеркале не было. Только пустота там, где он должен был стоять.

Он поднёс руку к стеклу. Отражение не появилось. Стекло было холодным.

— Этого не может быть, — сказал он вслух. Голос прозвучал глухо. Слишком глухо для маленькой ванной. Как будто он говорил в пустом зале.

Он отступил от зеркала на шаг. На второй. На третий —

пока спина не упёрлась в стену. И тогда в зеркале появилось отражение. Но не его.

В зеркале стояла девушка из морга. В белой блузке, в одной туфле. С мокрыми волосами, прилипшими к щекам. С родинкой на левой скуле. Или на правой. Сону уже не понимал. Она смотрела прямо на него и улыбалась.

— Ты принёс меня домой, — сказала она. — Это так мило. Теперь я буду жить здесь.

Сону схватил с раковины флакон с жидким мылом и швырнул в зеркало. Стекло треснуло — не разбилось, а именно треснуло, и трещины разбежались от центра, как паутина. Улыбка девушки раздробилась на дюжину осколков, но в каждом осколке она продолжала улыбаться.

— Не поможет, — сказали осколки хором. — Ты уже пригласил меня. Ты дал мне своё имя. Ты дал мне свой страх. Ты дал мне свою руку.

Сону посмотрел на свою правую ладонь. На ней, там, где лежала туфля, остался отпечаток. Не грязи. Не влаги. Отпечаток пальцев — тех самых, что гнутся только в одну сторону. Четыре пятна на тыльной стороне запястья. Они больше не светились, но и не исчезали. Как татуировка. Как клеймо.

Он не помнил, как вышел из квартиры. Не помнил, как вызвал лифт и нажал кнопку первого этажа. Очнулся он только на улице, у дверей круглосуточного магазина GS25, в двух кварталах от дома. В лицо дул октябрьский ветер, принося запах жареного ттокпокки из уличной палатки. Продав-

щица — пожилая тётка в оранжевом фартуке — смотрела на него с подозрением. Он понял, что стоит босиком на холодном асфальте, в той же одежде, в которой спал, с безумным, отсутствующим лицом.

— С вами всё в порядке? — спросила тётка.

Сону не ответил. Он смотрел на дверь магазина — стеклянную, автоматическую, с выцветшей наклейкой «OPEN». В стекле, как в зеркале, отражалась улица. Проезжающие машины. Рекламный щит с айдолом, рекламирующим рамён. Тётка за его спиной, уже отвернувшаяся к жаровне.

И его собственное лицо. Вернувшееся в отражение. Но с одной деталью, которой не было раньше.

Голова была наклонена влево.

Совсем чуть-чуть. На пару градусов. Но Сону заметил. Он всегда замечал детали. Это была его работа. Его проклятие. Его единственный способ узнавать людей.

Двери магазина открылись с тихим шипением. Сону не заходил внутрь. Он развернулся и пошёл обратно к дому. Босиком. По холодному асфальту. Считая шаги. На сорок седьмом шаге он заставил себя поднять голову ровно.

Он больше не был уверен, что это он её поднял.

В квартире его ждала туфля. Он знал это. Он чувствовал это. Она лежала на тумбочке у кровати и ждала, когда он вернётся. А вместе с ней ждало что-то ещё. То, что больше не пряталось в мутной речной воде. То, что больше не шептало из тёмного угла. То, что теперь стояло посреди комнаты и

больше не нуждалось в приглашении.

Потому что приглашение уже было принято.

Двадцать два года назад. В маленькой квартире в Ын-пхён-гу. Когда восьмилетний мальчик закрыл глаза, а его бабушка не успела закончить ритуал.

Ты дверь. Я вошёл..

Тем же вечером стажёр Ким, задержавшийся в морге допоздна, чтобы закончить отчёт за прошлую неделю, заметил странную вещь. Холодильная камера номер четыре, где хранилось тело утопленницы из Хангана, была приоткрыта. Он точно помнил, что закрывал её после того, как детектив Кан закончил повторный осмотр.

Стажёр Ким подошёл к камере, чтобы задвинуть ячейку. И замер. Тело девушки лежало на месте. Глаза были закрыты. Родинка отсутствовала — он проверил. И на левой, и на правой скуле. Чистая кожа.

Но её правая рука была поднята. Ладонь сжата в кулак. А из кулака свисала тонкая серебряная цепочка.

Стажёр Ким не помнил, чтобы на теле были украшения. В описи вещей не значилось никакой цепочки. Он осторожно, стараясь не касаться кожи, разжал пальцы девушки и вытащил цепочку. На ней висел кулон — маленькая серебряная пластинка с гравировкой. Он поднёс её к свету и прочитал: «###». Ли Сону. И ниже — дата. Сегоднешняя.

Стажёр Ким выронил цепочку. Она упала на кафельный пол со звуком, который эхом разнёсся по пустому моргу. Ко-

гда он наклонился, чтобы поднять её, цепочки на полу не было. Она исчезла. Как будто её никогда не существовало.

Он хотел позвонить Сону. Даже набрал номер. Но на том конце были только гудки. Длинные, бесконечные, уходящие в пустоту. А потом гудки сменились голосом. Не механическим, как у автоответчика. Живым. Женским. Мокрым.

— Он занят, — сказал голос. — перезвоните позже.

Стажёр Ким больше никогда не задерживался в морге допоздна

Глава 3. Слепое пятно

Сеул, округ Манхо-гу

Морг окружной больницы. 09:15

Детектив Кан Минджун приехал в морг без предупреждения. Он не любил это место. Не любил запах формалина, который въедался в одежду и держался на пальцах даже после трёхкратного мытья. Не любил люминесцентные лампы, под которыми любой — живой или мёртвый — выглядел обвиняемым. Но больше всего он не любил чувство, которое возникало у него в процедурной: будто за ним наблюдают. Не камеры — их он как раз уважал. А что-то другое. Что-то, что стояло в углах и не отражалось в хромированных поверхностях инструментов.

Он толкнул дверь плечом. В руках у него был стаканчик с кофе и папка с документами по вчерашнему телу. Девуш-

ка из Хангана. Чхве Юна, двадцать четыре года, студентка факультета изобразительных искусств университета Хонгик. Опознана сегодня утром по отпечаткам пальцев. Родители уже в пути из Тэгу.

Сону сидел за столом в углу процедурной и что-то писал. Кан остановился в дверях и несколько секунд просто смотрел на него. Что-то изменилось. Он не мог понять, что именно. Сону выглядел как обычно: белый халат, сутулые плечи, волосы, падающие на лоб. Но была в нём какая-то новая деталь. Что-то в повороте головы.

— Ты рано, — сказал Кан вместо приветствия.

Сону поднял голову, и Кан заметил, что он не сразу сфокусировал взгляд. Как будто глаза привыкали к свету, хотя в процедурной было всё то же ровное, безжалостное люминесцентное сияние.

— Не спалось, — ответил Сону. Голос был ровным. Слишком ровным.

Кан подошёл ближе и поставил кофе на стол. Сону на кофе не посмотрел. Кан отметил это и записал в мысленную папку — туда же, куда заносил все странности, связанные с Ли Сону за последние три года их знакомства. Странностей набралось много. Они лежали в папке неразобранными, потому что Кан не верил в то, что нельзя измерить, но достаточно повидал, чтобы не списывать всё на совпадения.

— Есть опознание, — сказал он, открывая папку. — Чхве Юна. Двадцать четыре года. Студентка. Родители едут из

Тэгу.

Сону кивнул. Без эмоций. Кан ожидал хотя бы вопроса — где нашли родителей, как опознали, почему так быстро. Но Сону просто смотрел на него и ждал продолжения. И в этом ожидании было что-то такое, отчего Кану захотелось отодвинуться вместе со стулом.

— Ты переписал заключение? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что писать.

Кан откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Он знал этот тон. Так говорили свидетели, которые видели что-то, что не укладывалось в их картину мира, и теперь решали: соврать и остаться в здравом уме или сказать правду и прослыть сумасшедшим.

— Сону. Я твой друг. И я твой детектив. Сейчас я друг. Расскажи, что случилось.

Сону молчал. Потом встал и подошёл к холодильной камере номер четыре. Открыл. Выдвинул ячейку. Тело Чхве Юны лежало неподвижно, укрытое простынёй до подбородка. Сону откинул простыню.

— Смотри, — сказал он.

Кан подошёл. Посмотрел на тело. Девушка как девушка. Молодая. Мёртвая. Ничего необычного. Он перевёл взгляд на Сону.

— На что смотреть?

— На её руки.

Кан посмотрел на руки. Запястья были чистыми. Гладкая бледная кожа. Никаких синяков. Никаких следов пальцев.

— Чистые, — сказал он. — И что?

— Вчера на них были синяки, — сказал Сону тихо. — С внешней стороны. Четыре пятна на каждом запястье. Как будто кто-то держал её пальцами, которые гнутся только в одну сторону. Я видел их. Я записал их в протокол. Ты читал протокол.

— Читал. — Кан снова посмотрел на запястья. — Но сейчас их нет.

— Да. Сейчас их нет.

Сону провёл пальцем по тыльной стороне ладони девушки. Кан заметил, что его рука не дрожит. Вообще не дрожит. Это было неправильно. После такой ночи, после такого заключения, после такого разговора — у нормального человека должна дрожать рука.

— Может, ты ошибся, — предположил Кан без уверенности.

— Я не ошибаюсь в деталях. Ты знаешь это. — Сону поднял на него глаза, и Кан впервые за всё время их знакомства увидел в них что-то похожее на страх. — Я не вижу лиц, Минджун. Совсем. Но детали я вижу лучше, чем кто-либо. Я не мог придумать эти синяки. Они были. А теперь их нет.

— Трупы не заживают.

— Я знаю.

Они стояли по разные стороны секционного стола и смотрели друг на друга. Кан пытался найти рациональное объяснение. Не нашёл.

— Что с туфлей? — спросил он наконец.

— Что?

— Вторая туфля. Её не нашли на месте. Водолазы всё ещё ищут. Ты не знаешь, где она может быть?

Сону отвёл взгляд. Это было первое движение, которое Кан счёл по-настоящему подозрительным.

— Не знаю.

— Врёшь.

— Вру.

Кан вздохнул и потёр переносицу. Глаза болели от недосыпа, и он чувствовал, как внутри нарастает глухое раздражение — не на Сону, а на ситуацию, которая не имела смысла.

— Ладно. Допустим, синяки были. Допустим, они исчезли. Допустим, туфля где-то есть. Что ты собираешься делать?

Сону задвинул ячейку обратно. Холодильная камера закрылась с тихим, всасывающим звуком, будто втянула воздух внутрь.

— Я хочу найти шамана, — сказал он.

Кан моргнул.

— Что?

— Шамана. Мудан. Настоящего, не шарлатана из прило-

жения. Бабушка водила меня к одному, когда я был маленьким. Он ещё был жив пятнадцать лет назад. Может быть, жив и сейчас.

— Сону, ты судмедэксперт. Учёный. Ты вскрываешь людей и пишешь заключения для суда. Ты не можешь искать шамана. Это смешно.

— Ты спросил, что я собираюсь делать. Я ответил.

Кан замолчал. Он знал Сону достаточно, чтобы понимать: спорить бесполезно. Если тот что-то решил, он делал это. Всегда. С методичностью, которая восхищала и пугала одновременно.

— Я поеду с тобой, — сказал он.

— Не нужно.

— Нужно. — Кан поднялся и взял со стола нетронутый кофе. Сделал глоток. Кофе был холодным. — Кто-то должен убедиться, что ты не наделаешь глупостей. И что ты вернёшься.

Сону ничего не ответил. Он смотрел на закрытую ячейку холодильной камеры, и его губы беззвучно шевелились, как будто он считал. Кан не стал спрашивать, что именно. У него было чувство, что ответ ему не понравится.

Сеул, район Сондон-гу

Квартал старых гадательных салонов. 11:40

Кан знал это место. Здесь, в лабиринте узких улочек за

станцией метро Вансимни, ютились гадалки всех мастей. Стекланные двери, обклеенные объявлениями: «Гадание на кофейной гуще», «Таро», «Судьба по дате рождения», «Снятие порчи». Мигающие неоновые вывески на корейском и ломаном китайском. Между ними — забегаловки с сундубу-ччигэ и магазинчики, торгующие ритуальными принадлежностями: свечами, благовониями, бумажными фигурками для сожжения.

Сону шёл быстро, не оглядываясь по сторонам. Он явно помнил дорогу. Кан едва поспевал, лавируя между картонными коробками и уличными торговцами.

Остановились перед дверью, которая отличалась от остальных. На ней не было неона. Никакой рекламы. Только выцветшая табличка с иероглифами, которые Кан не смог прочитать, и красная печать-инчжан в углу — такая же, как та, что стояла на дневнике бабушки Сону.

— Здесь, — сказал Сону.

Он постучал. Дверь открылась почти сразу, будто их ждали. На пороге стояла женщина лет шестидесяти, в сером ханбоке, с седыми волосами, собранными в низкий пучок. Лицо у неё было круглое, морщинистое, но глаза — молодые. Очень молодые. И очень тёмные.

— Ли Сону, — сказала она без вопросительной интонации. — Ты вырос.

Сону поклонился. Кан, помедлив, последовал его примеру.

— Меня зовут Пак Окча, — сказала женщина и отступила вглубь, пропуская их. — Я знала твою бабушку. Она была лучшей мудан в Сеуле. И самой упрямой.

Внутри пахло сандаловым деревом и чем-то кислым — уксусом или старым потом. Стены были увешаны амулетами: пучки сушёных трав, колокольчики, маски с гримасами духов. В углу стоял низкий алтарь с фотографией мужчины в белом ханбоке — видимо, покойного мужа или наставника. Перед алтарём горели три свечи. Одна из них погасла.

Пак Окча заметила взгляд Кана.

— Не зажигайте, — сказала она резко. — Садитесь.

Они сели на подушки на полу. Женщина опустилась на-против, скрестив ноги, и посмотрела на Сону долгим, изучающим взглядом. Потом перевела глаза на его правое запястье. На то место, где под рукавом халата прятались четыре тёмных пятна.

— Покажи, — сказала она.

Сону закатал рукав. Пятна проступили яснее, чем утром: теперь они были не просто синими, а почти чёрными, с неровными краями, как будто краска расплзлась под кожей. Кан посмотрел на них и почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Вы это видите? — спросил он.

— Вижу, — ответила шаманка. Она провела пальцем над пятнами, не касаясь кожи. — И вы видите, детектив. Потому что они теперь часть этого мира. Раньше они были только

на теле мёртвой девушки. Теперь они на нём. Это метка. Он был отмечен двадцать два года назад, но тогда метка была внутри. Теперь она выходит наружу.

— Кто его отметил? — спросил Кан. Он всё ещё не верил ни в одно слово, но его рука автоматически потянулась к кобуре. Пустой. Он не носил оружие вне службы.

— Чхонъги, — сказала шаманка.

Тишина упала на комнату, как крышка гроба. Свечи на алтаре мигнули — все три разом, включая погасшую, которая вспыхнула сама собой и тут же снова потухла.

— Этого слова не должно быть в твоих устах, — продолжила Пак Окча, глядя на Сону. — Твоя бабушка потратила жизнь, чтобы запереть его. Она думала, что ритуал сработал. Но она не учла одного.

— Чего? — голос Сону был почти беззвучным.

— Ты закрыл глаза.

Шаманка поднялась с подушки и подошла к алтарю. Взяла горсть риса из медной чаши и бросила на пол перед Сону. Зёрна рассыпались по деревянным половицам, и Кан увидел — или ему показалось, что увидел, — что некоторые из них легли не в хаотичном порядке, а образовали фигуру. Круг. А внутри круга — трещину.

— Твоя прозопагнозия — это не болезнь, Сону, — сказала Пак Окча, не оборачиваясь. — Это дверь. Когда ты перестал видеть лица, в твоём восприятии образовалась дыра. И чхонъги поселилось в этой дыре. Оно питалось твоей сле-

потой. Росло. Ждало. Теперь оно достаточно сильное, чтобы влиять на мир за пределами твоего сознания. Синяки, которые исчезают. Туфли, которые появляются в твоей постели. Отражения, которые не совпадают. Это не галлюцинации. Это чанчжэ. Остаток. Знак его присутствия.

— Как его остановить? — спросил Сону.

Пак Окча повернулась. Её молодые глаза были полны жалости — той жалости, которую испытывают к обречённым.

— Никак.

— Должен быть способ.

— Твоя бабушка нашла способ, — сказала шаманка. — Она отдала свою жизнь, чтобы оттолкнуть его на двадцать два года. Ты хочешь такого же способа?

Сону встал. Его тень на стене дёрнулась несинхронно — Кан мог бы поклясться, что тень поднялась на долю секунды позже.

— Я хочу, чтобы оно оставило меня.

— Оно не оставит. Ты — его сосуд. Его окно. Его дверь. Оно будет давить на тебя, пока ты не сломаешься. А когда ты сломаешься, оно войдёт окончательно. И тогда ты умрёшь, Сону. Но твоё тело останется. И будет ходить. И будет улыбаться. И никто, кроме таких, как я, не заметит разницы.

Кан поднялся тоже. Встал между Сону и шаманкой — скорее по привычке защищать, чем по осознанной необходимости.

— Вы говорите загадками. Если вы знаете, что это такое,

вы должны знать, как с ним бороться. Или для чего вы здесь сидите?

Пак Окча усмехнулась. Усмешка была безрадостной.

— Я сижу здесь, детектив, чтобы предупреждать. А бороться... — она взяла с алтаря амулет — маленький серебряный колокольчик на красной нити — и протянула Сону. — Возьми. Это не спасёт. Но даст время. Когда услышишь звон — значит, оно близко. Колокольчик звенит только для тебя. Никто другой не услышит.

Сону взял амулет. Нить обвилась вокруг его запястья, и колокольчик тихо звякнул — один раз, жалобно, как всхлип.

— И ещё одно, — сказала шаманка, когда они уже стояли в дверях. — Не доверяй своему отражению. Чхоньги учится. Оно уже умеет быть тобой. Скоро ты не сможешь отличить свои мысли от его. Свои движения от его. Своё лицо от его маски.

— Как я пойму, что оно уже... — Сону не закончил.

— Поймёшь, — перебила шаманка. — Когда ты больше не захочешь с ним бороться. Когда его голос станет слаще сна. Когда одиночество станет невыносимым, а оно предложит тебе компанию. И ты согласишься. Потому что ты человек. А человек не может всегда быть один.

Она закрыла дверь.

Кан и Сону стояли на улице под морозящим дождём. Колокольчик на запястье Сону молчал. Город шумел — машины, голоса, музыка из открытых дверей кафе. Но в этом шу-

ме появилась новая нота: тихий, почти неслышимый звон, который шёл не от колокольчика. Он шёл отовсюду. Из луж на асфальте. Из тёмных окон. Из водосточных труб.

Сону слышал его. И знал, что Кан не слышит ничего.

Вечером того же дня стажёр Ким, вернувшись в пустую квартиру после смены, включил телевизор и обнаружил, что все каналы показывают одно и то же: чёрно-белое изображение комнаты, которую он никогда не видел. В комнате на полу сидел мальчик лет восьми, окружённый двенадцатью свечами. Десять из них горели. Две погасли. Мальчик поднял голову и посмотрел прямо в камеру.

— Привет, — сказал он. — Ты не знаешь меня. Но я тебя знаю. Ты работаешь с доктором Ли. Передай ему, пожалуйста, кое-что. Передай, что свечи гаснут.

Изображение пропало. Телевизор переключился на вечерние новости. Диктор рассказывал о пробках на мосту Манхо. Стажёр Ким сидел на полу, обхватив колени руками, и не мог заставить себя пошевелиться до самого утра.

Глава 4. Свечи гаснут

Сеул, округ Ынпхён-гу

Квартира матери Ли Сону. 18:22

Мать жила в той же квартире, где прошло его детство. Сону не спрашивал почему. Он знал ответ: она ждала, что

бабушка вернётся. Не в буквальном смысле — мать была женщиной практичной, работала на двух работах и не верила в духов. Но она никогда не запирала дверь в спальню бабушки, никогда не выбрасывала её вещи и никогда, ни разу за двадцать два года, не произнесла слово «умерла». Только «ушла». «Мама ушла». «Мама ещё не вернулась».

Сону приехал без предупреждения. Ключ у него был свой — старый, с погнутым бородком, который заедал в замке ровно четыре секунды. Он открыл дверь и сразу почувствовал запах. Кимчи-ччигэ. Готовила на ужин. Значит, была дома.

— Сону-я? — голос матери из кухни. — Ты почему не позвонил?

Он разулся, аккуратно поставил ботинки у порога. Колокольчик на запястье качнулся, но не зазвенел. Сону уже начал понимать его логику: он звенел только тогда, когда рядом было Оно. Или когда Оно думало о нём. Или когда сам Сону думал о Нём — здесь граница уже размывалась.

Мать вышла в коридор, вытирая руки кухонным полотенцем. Ей было пятьдесят восемь. Седина на висках, морщины вокруг глаз, сутулые плечи. Тридцать лет за кассой в супермаркете «Хоум Плюс». Сону не видел её лица, но помнил его по детским фотографиям: круглое, мягкое, с родинкой над левой бровью. Он искал эту родинку взглядом каждый раз, когда приходил. Она была единственным, что оставалось неизменным.

— Выглядишь ужасно, — сказала мать. — Ел что-нибудь?

— Нет.

— Садись.

Она не спрашивала, зачем он пришёл. Она всегда знала, что он приходит, когда что-то случилось. За двадцать два года они выработали безмолвный протокол: она кормила, он молчал. В конце он говорил «спасибо» и уходил. Этого было достаточно им обоим.

Но сегодня он не сел.

— Мне нужно в комнату бабушки, — сказал он.

Мать замерла. Полотенце перестало двигаться.

— Зачем?

— Нужно.

— Ты не заходил туда двадцать два года.

— Знаю.

Мать смотрела на него — он чувствовал её взгляд, даже если не мог прочесть выражения лица. Потом она кивнула и отошла в сторону.

— Дверь не заперта, — сказала она. — Я никогда её не запирала.

Сону прошёл мимо неё и остановился перед дверью в конце коридора. На ручке висел амулет — старый, выцветший, с истлевшей красной нитью. Бабушка повесила его за неделю до смерти. «От дурного глаза», — сказала она тогда. Сону помнил каждое слово. Он помнил всё, что случилось в этой квартире до того, как лица исчезли.

Он открыл дверь.

В комнате пахло пылью и старым сандалом. Всё было так, как он помнил: низкий столик у стены, шкаф с книгами по шаманизму, алтарь в восточном углу. На алтаре — фотография прадеда, которого Сону никогда не видел, и две медные чаши: для риса и для воды. Вода высохла два десятилетия назад. Рис превратился в серую пыль.

Но не это заставило его остановиться.

На полу комнаты лежали свечи. Двенадцать штук. Они должны были быть убраны — Сону точно помнил, как после похорон мать собрала всё, что осталось от ритуала, и сложила в коробку. Коробка стояла здесь же, в углу, заклеенная скотчем. Но скотч был сорван, коробка открыта, и свечи аккуратно, с неестественной симметрией, были расставлены по кругу.

Восемь из них горели.

Сону стоял в дверях и смотрел, как пламя дрожит от сквозняка, которого не было. Восемь из двенадцати. Когда он видел их в последний раз, горели десять. В его сне — десять. В передаче, которую видел стажёр Ким — десять. Теперь горело восемь.

Оно отсчитывало.

Сону вошёл в круг. Свечи не погасли. Он опустился на колени перед коробкой с вещами и начал перебирать содержимое. Амулеты. Высушенные травы, рассыпающиеся в пальцах. Медный нож с чёрным лезвием — тем самым, которым

бабушка полоснула воздух и оставила трещину в мире. Сону взял его и отложил в сторону. Потом нашёл то, за чем пришёл.

Дневник.

Толстая тетрадь в кожаном переплёте, потрёпанная, с пожелтевшими страницами. На обложке — оттиск красной печати, такой же, как на двери шаманки. Сону открыл дневник и начал читать.

Почерк был мелким и неровным. Ханча вперемешку с хангылем и символами, которых он не знал. Некоторые страницы были вырваны. Некоторые залиты чем-то тёмным — вином, или кровью, или и тем, и другим. Он читал с того места, где бабушка писала за три дня до смерти.

«...оно приходит из реки. Всегда из реки. Ханган — не просто вода. Это дорога. По ней уходят мёртвые. По ней же приходят те, кто не должен приходить. Чхонъги — не дух. Не демон. Это голод, который принял форму. Ему не нужно поклонение. Ему не нужна месть. Ему нужно тело. Только тело. Оно выбирает ребёнка с открытыми глазами. Ребёнка, который видит то, чего не видят другие. Ребёнка, который ещё не научился закрываться».

Сону перевернул страницу. Следующая была почти пустой — только одна строка посередине:

«Сону увидел его сегодня. Я знаю. Он ничего не сказал, но я видела его глаза. Оно выбрало его. Я должна провести кут. Я должна закрыть дверь».

Ещё страница. Почерк стал более рваным, буквы наползали друг на друга.

«Кут не сработал. Я опоздала. Оно уже внутри. Не в теле — в глазах. В его слепоте. Я не могу изгнать его, не ослепив мальчика полностью. И даже это не гарантия. Оно будет ждать. Оно умеет ждать. Единственный способ — запереть дверь с моей стороны. Отдать свою жизнь за его. Я готова. Сансин, прими мою жертву. Запечатай эту дверь».

Сону перевернул ещё одну страницу. Последняя запись была сделана за несколько часов до ритуала. Почерк уже не дрожал — он был твёрдым, как у человека, который принял решение.

«Если ты читаешь это, Сону, значит, я не справилась. Значит, печать продержалась ровно столько, сколько я смогла дать. Двадцать два года — хороший срок. Я надеялась на большее, но Сансин решает сам.

Теперь слушай внимательно. Чхонъги можно изгнать только одним способом: отдать ему то, чего он хочет. Он хочет тело. Он хочет войти. Дай ему это. Приведи его в ловушку. Обмани. Когда он войдёт в тело, он станет уязвимым — на несколько мгновений, пока не приживётся. В эти мгновения тело можно убить. Но для этого ты должен умереть. Ты понимаешь? Ты должен умереть, пока он внутри. Две души в одной плоти — и смерть заберёт обе.

Я молюсь, чтобы ты никогда не прочитал эти слова. Но если ты их читаешь, значит, у тебя нет выбора.

Прости меня. Я сделала всё, что могла.

Бабушка».

Сону закрыл дневник. Пламя свечей дрогнуло — ещё одна погасла. Теперь горело семь.

Он сидел в круге и смотрел на пламя. Семь свечей. Двадцать два года минус семь — что это значило? Дни? Недели? Сроки, которые он не понимал. Но он понимал другое: игра началась не вчера. Она шла с того самого момента, как он закрыл глаза в круге свечей, и с каждым днём он проигрывал.

— Сону-я, ты долго? — голос матери из-за двери.

— Ещё немного.

Он встал и взял медный нож. Лезвие было холодным, но не обжигало. Он завернул его в страницу из дневника и сунул во внутренний карман куртки. Потом подошёл к свечам и задул их одну за другой. Не потому, что хотел погасить. Потому, что хотел проверить, сможет ли.

Свечи гасли легко.

Когда погасла последняя, в комнате стало темно. Но не совсем. В углу, где когда-то стоял телевизор, горели две красные точки. Они висели в воздухе на высоте человеческого роста. И они смотрели на него.

— Я прочитал, — сказал Сону в темноту. — Я знаю, как тебя убить.

Точки не двигались. Но воздух в комнате стал плотнее. Запахло рекой.

— Ты не убьёшь, — сказал голос. Теперь он шёл не из

угла. Он шёл из дневника в его руках. Из страниц, которые касались его пальцев. Из чернил, которые въедались в кожу. — Ты хочешь жить. Ты всегда хотел жить. Даже когда был один. Даже когда не видел лиц. Даже когда думал, что сходишь с ума. Ты цеплялся. Ты терпел. Ты ждал. Чего?

Сону молчал.

— Ты ждал меня, — ответило Оно за него. — Ты ждал, что я вернусь и закончу начатое. Потому что я — единственный, кто видит твоё лицо. Я — единственный, кто знает, как ты выглядишь на самом деле. Я — единственный, кто никогда тебя не покинет.

В темноте что-то шевельнулось. Сону почувствовал холод на правом запястье — там, где были четыре пятна. Холод усилился, стал жжением, а затем — тянущей болью, как будто кто-то просовывал пальцы под кожу и медленно сжимал кость.

Он не закричал. Он сжал зубы и сделал шаг вперёд. К красным точкам. К углу.

— Ты слабее, чем притворяешься, — сказал он. — Если бы ты мог взять меня силой, ты бы уже взял. Но тебе нужно согласие. Тебе нужно, чтобы я сдался. Как тогда, в детстве. «Закрой глаза, Сону». Я закрыл. И ты вошёл. Но теперь я не закрою.

Красные точки моргнули. Исчезли на мгновение. Появились снова — ближе. Гораздо ближе. Теперь он чувствовал запах. Речная вода. Гниющие цветы. Сладкий, приторный

запах разложения.

— Ты уже сдаёшься, — прошептало Оно прямо в его ухо.
— Ты просто ещё не знаешь об этом. Но узнаешь. Скоро.

Холод отступил. Красные точки погасли. Зажёгся свет — обычный, жёлтый, из коридора. Мать стояла в дверях и смотрела на него.

— С кем ты говорил?

— Ни с кем, — ответил Сону. — Собирайся.

— Что?

— Ты уезжаешь. Сегодня. К тёте в Инчхон. Я вызову такси.

Мать хотела возразить. Она всегда возражала — это была её форма заботы. Но что-то в его голосе заставило её замолчать. Она кивнула и ушла собирать вещи.

Сону остался в комнате бабушки. Семь свечей. Медный нож в кармане. Дневник с последней записью. Он посмотрел на своё отражение в тёмном стекле книжного шкафа. Отражение посмотрело на него. Голова была наклонена чуть-чуть влево. На пару градусов.

Он знал: это не его отражение.

Но он больше не был уверен, что хочет с ним бороться.

В ту ночь на мосту Манхо остановилась патрульная машина. Офицер Ли, двадцать три года, первый год службы, вышел проверить подозрительную фигуру. Фигура стояла у перил и смотрела на воду. Чёрное пальто. Босые ноги. С

головой, наклонённой под невозможным углом.

— Гражданин! — окликнул офицер Ли. — Вам нужна помощь?

Фигура обернулась. У неё не было лица. Только гладкая кожа там, где должны были быть глаза, нос и рот. Офицер Ли выронил фонарик. Когда он наклонился поднять его, фигура исчезла. Только мокрые следы на асфальте вели к краю моста и обрывались.

В рапорте офицер Ли написал: «Гражданин в неадекватном состоянии. Скрылся до прибытия подкрепления». Он не написал про отсутствие лица. Не написал про следы, которые обрывались на краю. Не написал про голос, который прошептал ему в ухо, когда он садился обратно в машину: «Ты тоже дверь. Маленькая, но дверь».

Офицер Ли уволился через неделю. Переехал в деревню. Перестал смотреть на реку.

Глава 5. Сорок седьмой шаг

Сеул, округ Йонсан-гу

Квартира детектива Кана. 21:40

Кан Минджун жил один. Ему было сорок два, он был разведён, и его бывшая жена говорила, что он женат на работе. Она ошибалась. Он был женат на делах, которые не мог раскрыть. На папках с надписью «приостановлено», которые стояли на полке в спальне, потому что в шкафу уже не по-

мещались. На безответные вопросы, которые возвращались к нему в три часа ночи и сидели на краю кровати, пока он не вставал и не шёл на кухню варить рамен.

Сегодня на краю кровати сидел Ли Сону. В переносном смысле — самого Сону здесь не было, он остался в квартире матери, упаковывал её вещи и вызывал такси до Инчхона. Но его дело, его папка, его вопросы без ответа теперь сидели в голове у Кана и не собирались уходить.

Кан открыл ноутбук и набрал в поисковой строке: «чхонъ-ги».

Поисковик выдал шесть результатов. Три из них были нечитаемыми — битые ссылки на давно умершие форумы. Два вели на сайты о корейской мифологии, где слово упоминалось вскользь, без объяснений. Последний вёл на статью десятилетней давности в местной газете «Кёнхян син-мун». Заголовок: «Массовая истерия в начальной школе Ын-пхён-гу: дети отказываются смотреть в зеркала».

Кан пробежал текст глазами. Десять лет назад в одной из начальных школ района, того самого, где вырос Сону, произошёл странный инцидент. Двенадцать детей из одного класса одновременно перестали смотреть в зеркала. Они не объясняли причин. Они просто отводили глаза от любой отражающей поверхности. Родители забились тревогой, школу проверили, пригласили психологов. Те ничего не нашли. Через месяц дети снова начали смотреть в зеркала. Кроме одного мальчика. Он сказал: «Там всё ещё стоит человек с го-

ловой набок. Вы просто его не видите».

Мальчика звали Пак Джихун. Кан записал имя в блокнот. Двенадцать детей. Двенадцать свечей. Совпадение? Он больше не верил в совпадения.

Он набрал номер справочной полицейской базы данных, ввёл пароль и запустил поиск по имени Пак Джихуна. Результат пришёл мгновенно. Пак Джихун, двадцать лет, погиб три месяца назад. Несчастный случай. Утонул в реке Ханган в районе моста Мапхо. Тело нашли не сразу. Вскрытие показало: вода в лёгких отсутствовала.

Кан закрыл ноутбук и потёр глаза. Перед внутренним взором стояло лицо Чхве Юны — девушки, которая умерла от страха. И лицо Пак Джихуна, которого он никогда не видел, но чьё вскрытие наверняка проводил кто-то из коллег Сону. И лица одиннадцати других детей, которые когда-то перестали смотреть в зеркала. Где они сейчас? Сколько из них ещё живы? И сколько утонули без воды в лёгких?

Он потянулся к телефону, чтобы позвонить Сону, но телефон зазвонил сам.

— Алло?

— Хён. — Голос Сону звучал глухо, как будто он говорил из-под воды. — Ты можешь приехать?

— Где ты?

— Мост Мапхо. Южный берег.

— Зачем ты там?

— Я не знаю.

Кан уже натягивал куртку.

— Стой на месте. Никуда не уходи. Я буду через пятнадцать минут.

— Хён.

— Что?

— Если я уйду... Если я уйду, не ищи меня в реке.

— Что это значит?

Но Сону уже повесил трубку. Кан выбежал из квартиры, забыв выключить свет. Дверь захлопнулась за ним с таким звуком, будто кто-то выдохнул.

Южный берег Хангана, мост Манхо. 22:03

Сону стоял у парапета и смотрел на воду. Он не помнил, как здесь оказался. Он помнил, как посадил мать в такси. Помнил, как она держала его за руку через открытое окно и говорила: «Ты приедешь в Инчхон? Обещай, что приедешь». Он обещал. Потом такси уехало, и мир стал размытым. Не как в детстве, когда лица исчезли. По-другому. Как будто кто-то наложил на реальность кальку и медленно её снимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.